

Смирнов Юрий Викторович

Реализм
как метод реконструкции
социально-исторического бытия

09.00.11 – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Нижний Новгород - 2010

Работа выполнена на кафедре философии
Волжского государственного инженерно-педагогического университета
(Нижний Новгород)

Научный руководитель - доктор философских наук, доцент
Фатенков Алексей Николаевич

Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор
Федоров Александр Александрович

кандидат философских наук, доцент
Куликова Тамара Валентиновна

Ведущая организация - Ульяновский государственный университет

Защита диссертации состоится «__» _____ 2010г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.04 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского: 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7, ННГУ, факультет социальных наук, ауд.300

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ННГУ имени Н. И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп. 1)

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

А.Н.Фатенков

Актуальность_темы: С проблемой реалистической методологии сталкиваются различные сверхобыденные практики: философия, наука, литература. Тематика реализма, рассматриваемая как философская, заявляет о себе на методологическом, гносеологическом и онтологическом уровне. Под реализмом обычно понимается теория, признающая объективное существование реальности идеальной (Платон, средневековый реализм) либо материальной как объекта познания, не зависящего от субъекта, познавательного процесса и опыта. Признание объективного существования реальности приводит к проблеме достижения единственно верного ее воспроизведения. Однако не вполне ясно, является ли подобное определение исчерпывающим.

Тематика реализма известна со времен античной философии, когда Парменид провозгласил, что «мыслить и быть – одно и то же». Он постулировал, что мысль, хотя и равна бытию, не совпадает с ним полностью (не тождественна ему). В философии Парменида единственно правильное описание возможно, но это достигается при условии, что само бытие провозглашается неизменным. Ситуация становится заметно иной, если мы говорим о бытии меняющемся, историческом, и здесь невозможно дать однозначного описания. Во-первых, познающий субъект имеет дело с вариативными смыслами исторического развития, которые проблематично описать досконально. Во-вторых, изменения человека и мира могут не совпадать. Таким образом, реализм при описании исторического бытия иной, нежели при описании неизменного парменидова бытия, поскольку мысли здесь еще труднее совпасть с бытием вследствие его постоянной изменчивости.

Реализму сегодня чаще всего противостоит конструктивистская методология, отрицающая в той или иной степени объективный статус реальности и предполагающая, что бытие конструируется субъектом. Поэтому важными становятся конкретизация и указание как различий реализма и конструктивизма, так и, возможно, пунктов, в которых они сближаются. Популярность данной темы демонстрируется разнообразными масштабными полемиками, получающими отражение на страницах ведущих философских изданий (см., например, *Конструктивизм в эпистемологии в науках о человеке (материалы «круглого стола»*) // *Вопросы философии*, 2008, № 3, с. 3-37).

Степень разработанности темы: Проблема философского реализма в его оппозиции номинализму эксплицирована трудом Боэция «Комментарии к Порфирию»: существуют роды и виды или нет, и если существуют, то каким образом? Эта проблема традиционно различно разрешается в философии реализма и номинализма.

Проблема реализма, активно обсуждаемая в современной философии, проанализирована лишь в отдельных ее аспектах, причем исследования проводились в разных контекстах: от науковедческого до литературоведческого. Согласно А.Л. Никифорову, реализм есть, прежде всего научный реализм, характеризующийся признанием реального существования абстрактных объектов, постулируемых научными теориями. По мнению А.Л. Доброхотова, *реализм* – это направление, признающее находящуюся вне сознания реальность, которая истолковывается либо как бытие идеальных объектов, либо как объект познания, не зависимый от субъекта. И.Т. Фролов считает, что *реализм* сводится исключительно к направлению в искусстве и литературе. Как отмечают Н.С. Юлина, Л.Б. Макеева, В.Н. Порус, научный реализм состоит в обосновании, в противовес неопозитивистскому конвенционализму и инструментализму, референциального, онтологического характера терминов науки. Для данных авторов характерна проблематизация понятия «реализм» и указание логических трудностей, с которыми сталкивается обоснование реалистской теории познания. Наконец, В.А. Лекторским проанализированы сильные и слабые позиции научного реализма в споре с конструктивизмом.

Как сходные, так и отличные определения реализма можно встретить в текстах западных интеллектуалов. Я. Хакинг считает, что научный реализм есть теория, согласно которой объекты, описываемые правильными теориями, существуют. При этом американский философ отмечает, что слово «реализм» указывает не только на множество философских направлений, но и на ряд художественных и не является сложившейся доктриной. Отличной от его позиции является концепция «внутреннего реализма» Х. Патнэма, критикующая традиционные версии реализма за излишний объективизм и допущение недостижимого идеала познания. Сходной является позиция Д. Серла, Д. Розенберга, М. Хессе – представителей семантического реализма. Критика метафизического (Р. Бойд, У. Селларс), а также физикалистского реализма (Д. Мур, Б. Рассел, М. Шлик) проводилась такими философами, как Н. Решер, Д. Уоррелл, сторонниками референциальной концепции истины. Скептицизм при анализе категории «реализм» характерен и для известного американского философа Д. Сантаяны. Он утверждает, что познание и его базовые категории детерминированы телесной

организацией человека, его инстинктами. Другими словами, именно «животная» вера человека превращает данные сознания в знание об объективном мире, без чего невозможно построение любой системы познания. Сходным образом рассуждает и Г. Фоллмер, который выделяет *гипотетический реализм*, провозглашающий вероятностный характер всего познания, а также ряд философов, представителей «умеренного» (К. Поппер) или близкого к нему «предположительного» реализма (А. Масгрейв). Общим для всех реалистических концепций является признание того, что всякий реализм имеет дело с действительными, а не вымышленными объектами знания. Их специфика определяется претензиями на полноту / неполноту (стохастичность) описания реальности при использовании данного метода.

О реалистическом описании говорит не только философский, но и литературный реализм. Критический реализм в лице Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева полагал, что целью литературы является отражение сущности современного автору общества, его проблем, а не изображение выдуманного мира, как в романтизме. Социалистический реализм, в лице М. Горького, настаивал, что реалистическое познание имеет целью верное отображение жизни в ее революционном развитии, раскрытие подлинных закономерностей действительности. Данная концепция реализма в литературе разделялась такими видными исследователями, как М.Л. Абрамович, Д.Д. Благой, И.К. Кузьмичев, М.А. Лифшиц, П.А. Николаев, Л.И. Тимофеев. Альтернативные концепции литературного реализма предложили такие авторы, как Е.В. Добренко, И.Н. Смирнов, В.П. Руднев, Р.О. Якобсон, полагавшие литературный реализм не просто методом отражения действительности, но методом ее *пере-создания*, формовки в глазах читателя.

Проблема реализма в социальном познании в неявном виде была всегда востребована в философской и историографической мысли. Особенно активно она обсуждалась в немецком интеллектуальном сообществе первой половины XIX века. Уже Л. Ранке обнаруживает исходную для историко-реалистического описания проблему совпадения / несовпадения индивидуального и всеобщего. Сходным способом описания исторической реальности был предложенный неокантианцами метод отнесения к ценностям. Постигание исторической реальности, ее сущности немислимо без выделения тех событий и лиц, которые связаны с целью исторического развития, как ее видит историк, производящий отбор событий под тем или иным углом зрения. Реалистическим называет свой взгляд на историю и К. Маркс, фиксирующий внимание на наличии регулярностей в истории, или исторических законов. Он ориентировался на полагание не целевых, а движущих причин истории, постулируя наличие действующих сил

истории, не зависящих от воли и сознания людей. Попытки учесть реалистические наработки Л. Ранке, неокантианцев, К. Маркса обнаруживаются в текстах немецких методологов и философов истории Э. Трельча и Ф. Майнеке, у которых «исторический реализм» фигурирует как термин. Он означает стремление не просто эксплицировать объект в рамках общих понятий и суждений, но и представить его как конкретное жизненное единство, «жизненный мир», для которого характерно движение, изменчивость. Примерно те же идеи высказывал известный немецкий историк XIX века И.Г. Дройзен. Э. Трельчем и Ф. Майнеке были сформулированы важные для философии истории проблемы: как познать исторически изменчивое посредством типизирующих понятий, как познать всеобщее в развитии, будучи локальным историческим субъектом, как вывести это всеобщее из фактов и на каких логических принципах может основываться это выведение?

Идеи, высказанные представителями немецкой историографии и философии истории на рубеже XIX-XX веков, были развиты рядом более поздних мыслителей разных философских направлений. Так, представители герменевтики (В. Дильтей, Г.Г. Гадамер, П. Рикер, Д. Коллингвуд) полагали, что реалистически познающий прошлое историк должен истолковывать его как духовное целое, обладающее своей системой ценностей и норм, которое раскрывается в тексте через вчувствование. Иной подход был представлен школой Анналов, представители которой понимали под объектом исторического познания прошлое изучаемого общества, взятого в системных взаимосвязях всех его компонентов (социальных, экономических, культурных, политических). Отечественные исследования представлены, прежде всего, работами П.М. Бицилли и Л.П. Карсавина, выявляющими онтологические основания, которые делают возможным историческое познание, Н.И. Кареева, придерживавшегося методологии позитивизма, неокантианца А.С. Лаппо-Данилевского, феноменолога Г.Г. Шпета, близкого к основоположениям герменевтики, а также А.В. Гулыги и В.Ф. Асмуса – представителей марксистской методологии истории. Современные исследования, касающиеся данной проблематики, представлены работами Н.М. Копосова, являющегося историком-конструктивистом, Ф.Р. Анкерсмита, Р. Барта, Х. Уайта, подчеркивающих роль литературных и риторических приемов, конституирующих, по их мнению, проблемное поле исторического исследования, К. Гинзбургом, представителем микроистории и автором парадигмы «улик» – фрагментарных остатков прошлого, при помощи которых мы пытаемся реконструировать событие в целом. Проблема реализма в философии истории и историографии представлена целым рядом работ, прямо или косвенно затрагивающих

указанную ранее тематику, однако матрица реалистического повествования в истории остается неизученной.

Объект_исследования: Совокупность методов описания социально- исторического бытия.

Предмет_исследования: Реалистический метод описания социально-исторического бытия в сравнении с конструктивизмом.

Методология_и_источниковедческая_база_исследования: Методологической основой диссертационной работы выступает диалектическая парадигма, дополненная герменевтическим и семиотическим подходами.

Основными источниками данной работы послужили, во-первых, труды немецких историков второй половины XIX века – начала XX века: Ф. Майнеке и Э. Трельча, занимавшихся теорией исторического синтеза, Г. Риккерта и других немецких философов и методологов истории. Также исследование опиралось и на тексты представителей неклассической рациональности (Г.Г. Гадамера, Ф.Р. Анкерсмита, П. Рикера и др). Помимо них, в исследовании производилась опора на историографические тексты И.Г. Дройзена, Э. Виса, М. Блока и других авторов, а также хронику XIII века (автор – Салимбене де Адам). При исследовании проблемы реализма источниками послужили труды ряда теоретиков литературного реализма (Н. Г. Чернышевский, Д. Писарев, М. Горький и др.). Проблема философского реализма была освещена при опоре на тексты Северина Боэция, Петра Абеляра, Фомы Аквинского, Уильяма Оккама и Аристотеля.

Цели_и_задачи_исследования: **Целью** настоящей работы является выявление архетипа реалистической методологии в отличие от конструктивистской. Достижение данной исследовательской цели предполагает решение ряда следующих **задач**:

1. Уточнить содержание понятия «реализм».
2. Выявить специфику реалистического описания в философии и литературе.
3. Выявить основные черты реализма в философии истории и историографии.
4. Сравнить реализм и конструктивизм как методологии социально-гуманитарного познания.
5. Проиллюстрировать вышеупомянутую методологическую оппозицию на примере конкретного историографического материала.

Научная_новизна: Научная новизна исследования определяется поставленными задачами и результатами исследования:

1. Уточнено содержание понятия «реализм» в методологическом ракурсе.

2. Выявлены общие черты различных версий реализма в философии и литературе.
3. Проанализированы основные черты реализма в философии истории и историографии.
4. Проведено сравнение реализма и конструктивизма в их отношении к характеру смысла исторического процесса.
5. На основе «Хроники» Салимбене де Адам проведено сравнение методологических возможностей реализма и конструктивизма.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реалистический метод не отрицает наличия априорных (предшествующих конкретному философско-историческому опыту) смыслов бытия, но и не ограничивается ими, обязывая познающий субъект производить концептуальную достройку рассматриваемой реальности.
2. Признание наличия априорных смыслов с их обязательной достройкой особенно характерно для реалистического описания меняющегося во времени исторического бытия.
3. Понятие исторического реализма, развитое в трудах Э. Трельча и Ф. Майнеке, означает стремление не просто эксплицировать объект в рамках общих понятий и суждений, но и представить его как конкретное жизненное единство, «жизненный мир» – единство субъекта и объекта познания, для которых характерно движение, изменчивость.
4. В отличие от выявленной специфики реализма, конструктивизм в наиболее радикальных своих версиях полагает, что смыслы привносятся субъектом в априори бессмысленный объект.
5. Граница между реализмом и конструктивизмом достаточно подвижна, что определяется степенью концептуальной достройки описываемой реальности. Чем выше эта степень, тем больше реализм склонен перерастать в конструктивизм.
6. Один и тот же текст может быть прочитан как реалистически, так и конструктивистски, что проиллюстрировано на примере «Хроники» Салимбене де Адам (XII- XIII вв.), в которой автором, являвшимся современником описываемых событий и в то же время рядовым их участником, познающим лишь часть всей целокупности событий, делается попытка осмысления деятельности немецкого императора Фридриха II Гогенштауфена.

Теоретическая значимость исследования: В настоящей работе анализируется содержание понятий (реализм и конструктивизм), важных для методологии социально-гуманитарного познания.

Практическая значимость исследования: Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке курсов лекций, семинаров и учебных пособий по курсу общей философии, методологии социального познания, социальной философии.

Апробация материалов исследования: Результаты исследования нашли отражение в докладах и выступлениях диссертанта на следующих региональных и всероссийских конференциях: «Бытие и его обновление» (Нижний Новгород, 2006 год), «Ежегодная XII конференция молодых ученых» в Татинце (Нижний Новгород, 2007 год), «Религия, ее сторонники и противники» (Нижний Новгород, 2008 год).

II. Структура и Основное содержание диссертации.

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Введение. Во Введении к работе характеризуются основные цели исследования, излагается история изучения проблемы реализма в философии и историографии.

Глава I. Литературный и философский реализм.

& 1. Понятие реализма и его трактовки. Опираясь на концепции как отечественных, так и западных философов, подвергается анализу базовое для исследования понятие реализма. Подчеркивается, что оно не получило за всю историю своего толкования какой-либо однозначной трактовки. Показана проблематичность и многозначность данного понятия, в результате чего возникает следующее противоречие. Реализм должен быть единственно верным определением реальности, однако на деле признается, что он трактуется *множественно*. Неполнота определения реальности, столь важная для формулировки понятия реализма как гносеологической позиции, приводит к существованию различных типов реализма, которые выделяются и характеризуются в диссертации.

Познающий субъект, будучи конечным общественно-историческим индивидом, сталкивается с потенциально бесконечной реальностью, не полностью данной ему в ощущении и восприятии. Всякий реализм начинает исследование реальности с противопоставления бытия и сознания как объекта и субъекта познания, однако заканчивает прямо противоположным тезисом. Он склонен считать, что существуют такие познавательные средства субъекта, которые в той или иной степени совпадают со структурой познаваемой реальности. Реализм предполагает не только адекватное его отображение во всех фундаментальных свойствах, но и трансцендирование за пределы

чувственной данности. Это приводит познающего субъекта к необходимости опираться на «дополнительные языки описания», помогающие достроить не данную в наглядном представлении реальность. Данная типическая характеристика реализма эксплицируется на таких важных исторических типах реализма, как философский, литературный и исторический.

&2. Философский реализм. Проблема философского реализма коррелирует с проблемой противоположности субъекта и объекта познания. Подвергая анализу основополагающие источники по данной проблематике (труды Аристотеля, Боэция, Петра Абеляра, Фомы Аквинского, Уильяма Оккама и других), автор показывает, как указанное учение столкнулось с проблемой онтологического статуса родовых и видовых понятий и пыталось преодолеть их трансцендентность миру чувственно постигаемо. Средневековый реализм анализируется в соотношении с понятиями номинализма и концептуализма.

Преодоление данной трансцендентности возможно лишь через провозглашение символизма (когда высшая сущность непонятным образом «глядится» в низшей, как в образе) либо через мистицизм, отвергающий понятийный способ познания скрытой реальности. Поэтому более выигрышной в плане познания универсалий является волюнтаристская метафизика, делающая акцент на волевою, эмоциональную природу познаваемой реальности, совпадающей с сущностью человека. Получается, что не только «чистый», использующий понятия разум определяет возможность познания реальности, но субъект, полагающий ценной волевою, эмоциональную природу человека, определяет познание трансцендентной реальности в рамках реализма. Подобные проблемы познания общего приводят реализм к конфликту с номинализмом, отрицающим онтологичность универсалий и слова в целом. На примере идей Абеляра можно показать, что *слово* (субъективно окрашенный концепт) выступает конструирующим началом тварного бытия, причем данная позиция несколько не умаляет онтологичности и реалистичности его концепции. Разрешая проблему познания универсалий, реализм был вынужден трансцендировать за пределы чувственно постигаемой реальности. Позиция концептуализма, описанная последней, является снятием противоположности субъекта познания и универсалий как объекта, делая упор на конструирующе-творческой, достраивающей объект роли личностного слова, которое исходит не только от конечного субъекта, но и сродственного ему Абсолюта.

&3. Литературный реализм как тип художественной реконструкции бытия. Понятие «литературный реализм» является переходным от реализма философского к

историческому. Оно фиксирует, с одной стороны, принципиально отличный от философского реализма смысл понятия «реальность». Непосредственной реальностью для литературного реализма оказывается мир т. н. «временных» вещей» и их состояний. Литературный реализм означает познавательную функцию (роль, назначение) искусства (литературы), целью которого является изображение «правды жизни». Он характеризуется объективным отображением сторон жизни и воспроизведением «типических характеров в типических обстоятельствах» при верности деталей. Как это видно из определения понятия, литературный реализм претендует на художественное схватывание всеобщего в этой «жизни», причем ее познание требует выхода за пределы наглядности. Реализм в литературе рассматривается на примере двух видов – критического и социалистического.

Целью познания в критическом реализме становится антагонистическое капиталистическое общество, взятое во всех его существенных взаимосвязях «здесь и теперь» и прошедшего времени. Однако критический реализм, заимствующий методологию модного в то время позитивистского натурализма, противоречив. Эмпиризм, который должен быть основным методом реконструкции социальной реальности, дополняется трансцендирующим постижением предмета художественной интерпретации, претендующим на интерпретацию объекта в его прошлом, настоящем и будущем. Поэтому уже в рамках натуралистически ориентированного критического реализма создаются предпосылки для развития деятельностно-конструктивного отношения к бытию, когда вооруженный знанием субъект оказывается способным привнести идеальный смысл в несовершенный с его точки зрения мир. Практически то же самое утверждает социалистический реализм. Он телеологичен, поскольку претендует на получение достоверного знания о реальности, апеллируя к наличию у общественного бытия точки развития, где различия между старым и новым, хотя и не сразу, но уничтожаются. Провозглашая наиболее ценным и реальным будущее состояние общества или процесс, ведущий к нему, он настаивает на конструктивно-деятельностном подходе к бытию. Однако неполнота языка описания приводит к тому, что центром реалистического истолкования становится субъект, который способен лично определять эти понятия и конструировать ценные для него идеалы и ряды развития, причем выстраиваемая им онтология оказывается сочетанием конструктивного и реалистического познавательных начал.

Глава II. Исторический реализм и конструктивизм.

&1. Исторический реализм как понятие и как термин. Его появление связано с особенностями развития историографии как науки о прошлом в XIX веке, кризисом первых попыток построения универсальной истории, что привело к упадку историзма в немецкой гуманитарной традиции. Попыткой примирить противоречащие друг другу подходы к изучению исторического процесса (например, неокантианство и марксизм) и явилась идея исторического реализма, развиваемая немецкими философами истории Э. Трельчем и Ф. Майнеке. Вводимое ими (особенно Э. Трельчем) понятие является базовым для определения реализма как методологии истории, поскольку многие обсуждаемые в рамках данного направления проблемы являются значимыми для социально-гуманитарного познания, претендующего на изучение длительных социально-исторических процессов.

Затрагивая вопрос о реалистичности интерпретации, сторонники исторического реализма обосновывают возможность таковой следующим образом. Во-первых, объект исторической интерпретации может быть реалистически эксплицирован почти во всех темпоральных модальностях, поскольку он обладает целостностью и единством. Он выступает как исторический субъект развития – культура, которая понимается как саморазвивающийся и осознающий свою сущность субъект развития. Во-вторых, этот субъект – культура – постоянно генерирует развитие того, что понимается как ее содержание, стремится к порождению из него все более нового содержания. В-третьих, таким образом может быть усмотрена органическая связь между прошлым и современным исследователю временем существования культуры, когда по тому, что именуется материальными остатками и преданиями (памятью), может быть восстановлено в памяти культуры ее прошлое, поскольку в измененном или свернутом виде оно продолжает сохраняться и детерминировать ее развитие. В-четвертых, исследование прошлого подобным образом предполагает, что историк, объясняющий, как все было в прошлом той или иной культуры, развертывает «свернутую» в объекте исследования информацию во временном направлении, обратном физическому направлению времени. Условием непрерывности и целостности подобного ряда является интенциональное полагание единого во всех временных модальностях интерпретации объекта (единого в различном). Это время не механическое, а телеологическое, понимаемое не в богословском, а в неокантианском смысле.

Исторический реализм, отвечая на те вопросы, которые являются безусловными для всякой исторической методологии, дистанцируется от традиционной философии истории, характерной для Гегеля. Отмежевывается он и от направлений преимущественно

сенсуалистического или эмпирического плана, толкующих опыт прошлого как совокупность аффектов, не обладающих бытийной целостностью. Как заключает, к примеру, Э. Трельч, традиционная философия истории, тяготея к универсализму конструкций, игнорирует то, что принято называть жизненной конкретностью культуры. Индивидуальная жизнь культуры игнорируется таким подходом, исходные посылки гегелевской философии истории постоянно смешиваются с ее выводами или тем, что можно было бы назвать финитной целью исторического процесса. Общее и индивидуальное в процессе развития культуры, хотя и предполагают снятие взаимного отчуждения, но в то же время универсализм конструкции требует преобладания общего над частным. Поэтому отчуждение феномена от сущности продолжает сохраняться даже в рамках универсального философского историзма, не говоря о том, что в этом универсальном движении долженствовало диктовать направленность развитию бытия к всеобщей и рационально осознаваемой ценности – свободе.

Другое дело, противоположный полюс в исторической интерпретации – сенсуализм и эмпирическая историография, представленная, в частности, Д. Юмом. Эмпирически созерцаемая реальность доступна лишь посредством различного типа разрозненных аффектов, у которых не существует никакого духовного, объединяющего их в целостность центра. Все, что может представить нашему созерцанию история, – совокупность разрозненных фактов, предстающих в памяти народа или исследователя, соединяемых ассоциативно по типу механических связей. Согласно данной установке в истории все происходит в соответствии с открываемыми подобным же образом законами природы. Исторический реализм сталкивается с двумя антиномиями в рамках построения универсальной истории: тяготение к универсальности приводило философию и теорию истории к отчуждению от жизненной конкретности культуры, обратная позиция приводит к утрате единства развития и эмпиризму, союз с которым не оказывается плодотворным для истории.

Для того чтобы разрешить данное философское противоречие, исторический реализм предполагает, что новая философия истории должна основываться на следующих постулатах. Историческая реальность не есть простая суммативная целостность отдельных, эмпирически верифицируемых циклов развития, она обладает имманентной себе телеологией. Однако в отличие от баденского неокантианства представители исторического реализма полагают, что понятие о цели развития не может быть строго нормативным, поскольку оно должно всякий раз уточняться, исходя из логики и проблематики развития современного исследователю общества. Реализм трактует

историческое бытие как исток своего настоящего, исток тех проблем и культурных ценностей, которые господствуют в современном обществе. Поэтому он становится ближе к «действенной истории», начало которой положил Ф. Ницше.

Историческая реальность целенаправленна. Следствием этого является признание в качестве черты исторической реальности *направленности и процессуальности*, а также *субстанциальности*, без которой ни первое, ни второе не являются мыслимыми. Условием направленности исторического развития культуры является, согласно Э. Трельчу, наличие общих для людей культуры ценностей. Субстанция развития может быть охарактеризована как нетождественное себе тождество, заключающее в себе и полагающее себя в противоположном себе содержании. Отрицающая и снимающая отрицание самой себя культура стремится к познанию себя в рамках современной исследователю эпохи, и процесс развития не ограничен только одним витком самопознания. Согласно историческому реализму, не только прошлое порождает настоящее, но и философ истории способен оживлять прошлое в акте самопознания. Исторический процесс должен иметь в качестве субъект-субстанции ограниченную локальным, общим для всех субъектов развития культурным содержанием, наличие которого самоочевидно и имеет актуальность в современную исследователю эпоху. Исходя из всего этого, целью познавательной деятельности историка становится следующее. Во-первых, в ведении историка остается определение того, что можно было бы назвать современностью и объективными ценностями исторического развития, которые он должен формулировать путем уже описанного порочного круга. Во-вторых, формулировка имманентных ценностей невозможна без включенности историка в жизнь культуры, иначе говоря, без историзации самого субъекта познания. Только тогда историк может формулировать априорные ценности и цели развития культуры, без наличия которых невозможно никакое направленное развитие, и, исходя из них, формулировать ряд культурного развития.

Исторический реализм, каким он представляется его немецким основоположникам, немислим без оппонирования кантианскому и в целом нововременному, трансценденталистскому канону научной рациональности. Историческая жизнь, как отмечают Э. Трельч и Ф. Майнеке, немислива в рамках априорных синтетических суждений номотетической науки, если таковым отводить доминирующую роль в трансляции дискурсов философии истории. Однако, не будучи в силах порвать с канонами ново- и постнововременной рациональности, сторонники исторического реализма сближаются с Баденской школой неокантианства. Правда, в отличие от неокантианской позиции, которая открыто провозглашает, что подобным образом историк «выстраивает»

историческую реальность, не данную ему в опыте, преодолевая экстенсивное и интенсивное многообразие фактов, исторический реализм полагает свою позицию более онтологичной.

& 2. Конструктивизм и его основные идеи. Для понимания специфики исторического реализма как метода реконструкции исторического бытия необходимо его сравнение с конструктивизмом. Понятие «конструктивизм», являясь на протяжении многих лет востребованным в европейской интеллектуальной традиции, не имеет в данный момент однозначной трактовки.

Конструктивизм последовательно дистанцируется как от эмпиризма, так и от солипсизма и трансцендентализма. Что касается последнего, то конструктивизм последовательно размежевывается не только с кантианством, но и с феноменологией, исследующей трансцендентальные категории и порождающие их такие же структуры самого-по-себе сознания. В отличие от установки феноменологии на наличие чистого, не замутненного никаким опытом чистого сознания, конструктивизм полагает таковую установку несостоятельной, акцентируя внимание на социокультурной и вообще биологической подоплеке познания и существования сознания, его погруженности в «жизненный мир», который зачастую склонен был оставлять за скобками Э. Гуссерль. Сторонник данной точки зрения У.Матурана дополняет традиционный эпистемологический конструктивизм концепцией автопоэзиса, в рамках которой человеческое познание ставится в зависимость от биологического развития *homo sapiens* как живых систем, функционирование которых носит закрытый по отношению к окружающей среде характер. Получается, что познание, согласно конструктивизму, есть не что иное, как эффективное действие, направленное на создание эффективных условий для адаптации человека к окружающей среде, а не поиск некой абсолютной реальности. Весь данный опыт накапливается и интериоризируется в языке, который преодолевает таким образом изначальную ограниченность познавательных средств и опыта человека – люди проживают мир внутри языка. Статус знания в рамках доктрины конструктивизма может сводиться лишь к поиску решений, пригодных для поддержания существования *homo sapiens* в потоке изначально сложно рефлекслируемых событий жизни. То знание, которое создает наиболее эффективную картину действительности, является наиболее истинным, выражаясь пробабилистски, знанием. Итого, мы получаем переход к социальному конструктивизму, предлагающему оригинальный, отличный от реалистического взгляд на социальную реальность и историческое бытие.

Социологический конструктивизм, как полагают его основоположники Т. Бергер и П.

Лукман, представляет собой такой взгляд на социальную реальность, который умаляет классическую мысль К. Маркса о производительных силах как потаенной субстанции социальных отношений. Во-первых, социальная реальность не есть вещная реальность, поскольку может существовать и существует как реализующаяся в значимых действиях людей, их институциональных актах. Во-вторых, всякий институциональный акт есть общепризнанное или интерсубъективно значимое для всех членов сообщества действие, значение которого диктуется языком и социальным опытом предыдущих поколений. В-третьих, никакая социальная реальность невозможна без всеобщего согласия по поводу того, какое значение могут иметь те или иные институты и институциональные акты. В-четвертых, никакой индивид либо социальная группа *a priori* не могут обладать полнотой знания о социальной реальности вследствие несоизмеримости своего фрагментарного «здесь и сейчас» эмпирического опыта и опыта реальности, взятой во всей ее пространственно – временной длительности и протяженности. Недостаток полноты восприятия социальной реальности во времени и пространстве возмещается чисто символическими средствами – опытом реальности, укорененным в языке.

Если представить себе в общем виде структуру социальной реальности в рамках конструктивистского подхода, то она может выглядеть следующим образом. Во-первых, существуют индивиды, между которыми устанавливаются связи, а также специализированные сообщества, или интеллектуальная элита, обладающая знанием о реальности и санкционирующая те или иные общезначимые институциональные акты или институты, символизирующие общепринятый смысл и порядок социальных действий. Во-вторых, это язык, посредствующий член, при помощи которого различные фрагменты реальности могут быть связаны воедино, а индивиды могут производить взаимодозначные действия. В-третьих, существуют исторически выработанные обществом практики и поля взаимодействия индивидов, которые интериоризируются и экстериоризируются ими.

Говоря о том, каким образом выстраивается исторический дискурс в рамках подобной модели социальной реальности, необходимо вновь обратить внимание на то, что то, что в общепринятом смысле называется историей как наукой, не вполне точно передает коннотативные оттенки, отличающие дискурс истории в рамках конструктивистской модели. В ее рамках история подчинена задачам трансляции социально-культурного опыта общества, главной задачей которой становится формирование такого образа прошлого, который бы объяснял, как социальные институты получили генезис. История в каком-то смысле формирует социально значимые «места

памяти», благодаря обращению к которым общество получает ответы на вопросы о том, почему и как тот или иной институт произошел. В рамках такой модели история как наука может быть замещена как религиозной картиной креации, так и мифом, поскольку главная функция исторического знания – интернализация накопленного опыта и знания о себе самом и обществе в сознании субъекта, то есть воспитательная функция. В свою очередь, воспитательная функция немыслима без осознания того, что в рамках такой модели социальной реальности история выполняет прежде всего прагматическую функцию и не должна нести никакой истинностной валидности.

Формирование прагматистски ориентированной истории – нарратива – немыслимо, в свою очередь, без социально и парадигмально ангажированного выбора объекта повествования, которому должна придаваться наивысшая ценность и полезность в рамках структуры общества. На первый взгляд кажется, что ввиду этого исторический реализм и конструктивизм сходны, однако лишь поверхностно. В историческом реализме априорно конструируемый ряд, хотя и с некоторыми ограничениями, но все же претендует на онтологичность и имманентность, что основывается на признании единства субъекта и объекта познания. В рамках конструктивистски ориентированной историографии скорее важна интерпретация развития как формально толкуемой связи между институтами различных поколений, а содержательная и духовная стороны культуры являются вторичными. В рамках социального конструктивизма предполагается, что наряду с конструированием общества человек конструирует и особое время его бытия. Поток времени определяется в терминах господствующей идеологии сообщества, эти полагания времени различны: господствующая идеология присваивает в рамках своей эпохи содержание категории «историческое время». В рамках же малообширного обсуждения специфики исторической интерпретации данная проблема подменяется простым полаганием времени как порядка сцепления событий друг с другом, который получает субъективную трактовку в пределах той или иной доктрины социального мифа.

Если говорить о том, что все-таки собой представляет объект познания в рамках конструктивистской историографии, то ответ может быть двояким. Во-первых, это опыт членов сообщества о своем прошлом и его связи с настоящим, то есть социальная память. Основной целью его интерпретации является построение научно верифицированной и интерсубъективной картины прошлого и его связи с настоящим. Тем самым, исторический конструктивизм полагает, что основной объект исторической науки – коллективная память, а не что-то внешнее по отношению к ней. Парадоксальность этой ситуации заключается в следующем: в отличие от историко-реалистической позиции,

полагающей необходимость наличия у исторического знания как нарратива референта, имевшего от него хотя бы относительно не зависимое бытование (референт исторического дискурса, который полагает свои собственные ценности как имманентные себе), конструктивистский дискурс же полагает историческую память, знак исторического процесса, своим собственным референтом со всеми вытекающими онтологическими последствиями. Получается, что прагматически ориентированная конструктивистская историография заинтересована, скорее, в создании эффекта реальности, нежели истинностной его интерпретации. Вывод Ролана Барта, а также Ф. Анкерсмита относительно исторического знания и его референциальном статусе как нельзя более подходит для характеристики этой позиции. В итоге получается, что историческая реальность в рамках этой позиции – это исторические означающие (источники) плюс нарративные стратегии, которые в сумме равняются психологической уверенности в том, что референт исторического дискурса существует, как он есть в повествовании. Ввиду этого можно сделать вывод, что главная функция конструктивистски ориентированного историка – создавать матрицы наиболее эффективного повествования для достижения такого эффекта реальности.

Глава III. Проблема интерпретации исторического прошлого: реализм или конструктивизм (на примере «Хроники А. де Салимбене). Проведенный теоретический анализ категориальной пары «исторический реализм – конструктивизм» требует объяснения возможностей данных подходов на конкретном историческом материале. В качестве объекта интерпретации нами была выбрана проблема реконструкции жизни и деятельности Фридриха II Гогенштауфена, императора Священной Римской империи и короля Сицилии (XIII в.), опираясь на «Хронику» францисканского монаха Салимбене де Адам, написанную в 1283 – 1284 гг. Данный историографический памятник, содержащий разрозненную и неполную информацию об исторической деятельности немецкого императора, тем не менее, представляет собой интерпретацию скрытого смысла его действий, что можно с некоей долей условности назвать реализмом. С другой стороны, разрозненность сведений, временное отстояние интерпретатора события от самого события приводит к необходимости опоры и на приемы мысли, характерные для историка-конструктивиста. Реконструкция событийного ряда репрезентирует положения как реализма, так и конструктивизма, в чем и заключается специфика данного историографического памятника.

&1. Интерпретация исторического повествования Салимбене с позиций

исторического реализма. Рассматривая «Хронику» с точки зрения реалистической позиции, следует отметить, что одним из оснований таковой его интерпретации может служить ее относительная свобода от выбора макроисторического масштаба рассмотрения. Иначе говоря, сама субстанция исторического повествования не просто тематизирована, но и связана с определенным культурным регионом средневекового Средиземноморья (средневековой Италией), что и предполагает реалистическая позиция.

Пытаясь объяснить интересующее его событие прошлого, Салимбене делает опору не столько на свои мнения и убеждения, сколько пытается найти определенный «метаязык», с помощью которого была бы возможна дешифровка поступков центрального персонажа. Данным «метаязыком» становится базовый для францисканцев язык библейских притч, Вульгаты и прочих текстов, используемых Салимбене. Реализм Салимбене основывается на положении, согласно которому от качеств отдельно взятого индивида мы можем перейти к образу, исходящему из базового авторитетного текста и осмысляющему всю совокупность отношений и действий, в которые вступает или вступал индивид. Не будучи свидетелем множества фактов жизни императора и тем более не будучи в состоянии уяснить их смысл, Салимбене прибегает к дополнительным средствам, которые позволяют ему декодировать этот смысл. Таковым является Библия, вернее, избранные места из нее, уже комментированные авторитетами. Францисканский историк делает предложения, повествующие о Фридрихе Гогенштауфене, осмысленными, подводя их под объем аналогичных высказываний Библии, компенсируя тем самым свою конечность как познающего субъекта.

Позицию Салимбене в отношении познания прошлого можно, с существенными для медиевистики оговорками, назвать реалистической, поскольку францисканский историограф озабочен проблемой ясной интерпретации прошлого события. Будучи локальным историческим субъектом, он пытается достроить историческую реальность, опираясь на собственный языковой и коллективный опыт культуры, диктующий ему правила различения истины и вымысла.

&2. Проблема исторического повествования с точки зрения конструктивизма. Все вышеупомянутое приводит нас к уже обсуждавшемуся аристотелевскому парадоксу памяти. Как мог Салимбене описывать деятельность императора в целом, когда он не мог быть ее свидетелем? Получается, что целостная интерпретация невозможна, во-первых, без привлечения других источников, во-вторых, – без работы воображения, рисующего картину тех или иных действий императора,

в-третьих, без фабулы, которая служила бы определяющим смысл действий императора контекстом (причем эта фабула должна быть содержательна). Данную фабулу в техническом значении можно отождествить с «нарративными предложениями» обыденного языка А. Данто.

Как утверждают теоретики конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман, социальная реальность в пространстве и времени имеет в качестве исходной инстанции пространство тела субъекта, его «здесь и сейчас», которое он может схватывать в непосредственном акте восприятия. Первоначально Салимбене в той или иной мере так и делает, когда характеризует личность и деятельность Фридриха Гогенштауфена, опираясь на собственные впечатления во время визита того в Парму (родину автора), или на показания очевидцев. Однако как в рамках нашей повседневной жизни мы склонны переходить от суждений, затрагивающих тот или иной аспект нашего «здесь и сейчас бытия», к суждениям, которые касаются даже «реальности как она в целом», так и Салимбене прибегал к подобному же трансцендированию. Также повествование группируется вокруг значимых для сообщества дат. Концепция исторического времени и его течения тоже диктуется временем, хотя и в весьма специфической форме: хронист использует традиционную для своего времени регрессивно-прогрессивную шкалу истории от грехопадения до второго воплощения Христа, в которую причудливо вписывается античная концепция круговорота исторических состояний. Именно эта интерсубъективно концептуализированная матрица восприятия течения событий и определяет ту типичность и обыденность, с которой судит о событиях исторической жизни Фридриха Гогенштауфена Салимбене. Получается, что лишь благодаря опоре на господствующую во францисканском ордене историософскую традицию, наложению литературной формы на событийный ряд и приписыванию типичных для культуры его времени трансцендентных смыслов этому ряду, Салимбене может подвергать прошлое смысловому толкованию. Поэтому, вследствие отсутствия прошлого, как «оно есть», историческое произведение Салимбене может быть истолковано конструктивистски как привнесение актуальных для него смыслов в априори инородный этим смыслам объект.

Заключение. В Заключении подводятся итоги исследования, резюмируются основные выводы, высказанные в работе. Опираясь на концепцию реализма как методологии, согласно которой познающий субъект достраивает не полностью данный ему в ощущении и восприятии объект, автор определяет специфику исторического реализма в его сравнении с конструктивистской методологией. Если исторический реализм есть попытка воссоздать прошлое в терминах исторической памяти, заново его пережив в процессе

движения от настоящего к прошлому, то конструктивизм полагает, что прошлое – заведомо интенционально пустая пропозиция, а вся работа историка заключается в организации свидетельств в удобную для объяснения и понимания схему. В рамках такого подхода к интерпретации исторические свидетельства плюс трансцендентальные каноны равно «историческая реальность».

Таким образом, мы приходим к альтернативе двух типов социально – исторической интерпретации прошлого: когда признается наличие реальности, которую подвергает интерпретации историк, и когда объектом исторического знания признается социальный опыт членов сообщества о своем прошлом в его связи с настоящим. Целью интерпретации прошлого является построение intersubъективной картины прошлого и его связи с настоящим. В отличие от историко-реалистической позиции, полагающей необходимость наличия у исторического знания референта, конструктивистский дискурс считает историческую память, знак исторического процесса, единственным референтом со всеми вытекающими онтологическими последствиями. Прагматически ориентированная конструктивистская историография заинтересована, скорее, в создании эффекта реальности, нежели истинностной его интерпретации. Реализм и конструктивизм сходны в том, что отрицают «вещный» статус социальной реальности, полную данность ее в опыте, полагая, что она формируется в результате деятельности людей. Однако исторический реализм признает относительно независимое бытие объекта познания как исторического целого, определяющего жизнь людей, и полагает, исходя из этого, возможным трансцендирующее постижение предмета истории через достраивание, осуществляемое как при помощи методов исторического исследования, так и вненаучных способов, причем и тем и другим присущ философско-исторический спекулятивный момент.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

а) Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК журналах из списка ВАК:

1. Смирнов, Ю. В. Проблемы исторического реализма в трудах немецких философов истории Э.Трельча и Ф.Майнеке / Ю.В.Смирнов // Вестник ННГУ, Сер. Социальные науки. Нижний Новгород, 2008, № 4. – С. 193-198

б) Публикации в других изданиях:

2. Смирнов, Ю. В. Гегель как конструктивист / Ю. В. Смирнов // Бытие и его обновление. Религия: Ее сторонники и противники. Нижний Новгород: Издательство ВГИПУ, 2008. – С. 100-102
3. Смирнов, Ю. В. Исторический реализм и его проблемы в трактовке Э. Трельча / Ю. В. Смирнов // XII ежегодная сессия молодых ученых в Татинце. Нижний Новгород: Издательство ВГИПУ, 2008. – С. 68
4. Смирнов, Ю. В. Концепция реализма как языковой картины мира / Ю. В. Смирнов // Бытие и его обновление. Нижний Новгород: Издательство ВГИПУ, 2006. – С. 92-94
5. Смирнов, Ю. В. Литературный реализм и гуманизм / Ю. В. Смирнов // Гуманизм: от апологии до фальсификации. Колл. Монография. Нижний Новгород: Издательство ВГИПУ, 2008. – С. 302 -308
6. Смирнов, Ю. В. Литературный реализм в трактовке Р. Якобсона / Ю. В. Смирнов // VIII Всероссийская научно-практическая конференция студентов «Наука и молодежь». Нижний Новгород, 2007. – С. 106 -110